

А. Х. ЭЛЕРТ

Алкоголь и галлюциногены в жизни аборигенов Сибири

По материалам Второй Камчатской экспедиции

1. Екатеринбург	8. Сургут	15. Иркутск	22. Охотск
2. Тюмень	9. Нарым	16. Кяхтинская слобода	23. Петропавловск
3. Тобольск	10. Томск	17. Читинский острог	
4. Тара	11. Абаканский острог	18. Нерчинск	
5. Омск	12. Красноярск	19. Аргунский острог	
6. Семипалатинск	13. Енисейск	20. Илимск	
7. Березов	14. Мангазее	21. Якутск	

Вторая Камчатская, или Великая Северная, экспедиция (1733—1743), проект которой разрабатывался Сенатом и Адмиралтейств-коллегией в Петербургской Академии наук, стала одной из крупномасштабных экспедиций в истории комплексного исследования природы и населения России. К сожалению, многие ценные документы и рукописи экспедиции: письма, путевые журналы, географические описания и т. д., — хранящиеся в фондах и архивах, совсем недавно увидели свет или только еще готовятся к изданию. Журнал «НАУКА из первых рук» неоднократно публиковал на своих страницах статьи, посвященные этому академическому проекту, в том числе жизни и научной деятельности участников экспедиции: Г. Ф. Миллера, И. Г. Гмелина, Г. В. Стеллера. Не остались без внимания и научные материалы Второй Камчатской экспедиции, касающиеся роли алкоголя в жизни русских сибиряков XVIII века. В данной статье говорится о распространении алкогольных напитков среди коренных жителей Сибири, а также об употреблении аборигенами грибов-галлюциногенов и наркотических средств, оказывающих возбуждающее и одурманивающее воздействие на их психику.

Якутская колдунья
Рисунок из книги: Народы России:
Живописный альбом.— СПб., 1880

ЭЛЕРТ Александр Христианович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск), специалист в области дешифровки, переводов и исследования рукописей XVII—XVIII вв. Основное направление исследований — академические путешествия по Сибири XVIII в.

Как складывались взаимоотношения между русскими и аборигенами в процессе присоединения Сибири к России? На сей счет высказываются самые полярные мнения: одни признают значимость мирной цивилизаторской миссии русских; другие утверждают, что их методы были колонизаторскими, что значительная часть местного населения и самобытная культура были уничтожены, а сами колонизаторы ничего существенного не дали коренным народам, кроме алкоголя.

В последние десятилетия большинство ученых согласилось с тем, что процесс вхождения Сибири

Нижнее течение реки Палана, недалеко от места ее впадения в Охотское море

Якутские чороны — деревянные трехногие сосуды с резным орнаментом для кумысопития

адъюнкта Г. В. Стеллера, студента С. П. Крашенинникова и переводчика Я. И. Линденау.

Кумыс и арака

Известно, что скотоводы, в основном многочисленные тюрко- и монголо-язычные народы, а также забайкальские тунгусы, познакомились с алкоголем задолго до присоединения Сибири к России. Речь идет, прежде всего, о слабоалкогольном (1–3% спирта) кисломолочном напитке кумысе, употребление которого в больших дозах, по наблюдениям путешественников, вызывало заметное опьянение. Один Линденау считал, что кумыс оказывает лишь расслабляющее, но не опьяняющее воздействие: «Если выпить его слишком много, то становишься больным и сонным, но не пьяным, как это утверждают некоторые».

В «Описании сибирских народов» Миллер подробно рассказал о процессе приготовления кумыса из кобыльего молока. По его данным, кумыс «иногда делают и из коровьего молока, но он не так крепок и не имеет у этих народов такого приятного вкуса, как тот, который делается из кобыльего». В основном этим занимались бедняки, поскольку кобыльего молока у них могло просто не быть. Проанализировав данные о производстве кумыса монголами, содержащиеся в записках путешественника XIII в. В. Рубрика, и сопоставив их с собственными наблюдениями над народами Южной Сибири, ученый пришел к выводу о том, что данная технология за пять столетий практически не претерпела изменений.

Как правило, те, кто изготавливал кумыс, производили из него и крепкий алкогольный напиток — мо-

лочную водку. Лишь в отношении якутов существуют противоречивые мнения. Гмелин называет их в ряду народов, которые производят водку из кумыса, Миллер же категорически утверждает, что якуты «не выгоняют водки». Технологию изготовления этого напитка исследователь описывает следующим образом: «Языческие татары, калмыки, монголы, нерчинские тунгусы и брацкие и по ту, и по эту сторону Байкала употребляют кумыс не только лишь для питья, но и выгоняют из него водку, которую они называют *Araki*. Для этого они используют свой плоский котел из чугуна, накрывают его деревянным верхом, в котором имеется трубка, из которой водка стекает в подставленный под нее деревянный сосуд».

Оценивая качество молочной водки, Миллер пишет: «Водка очень слабая, слабее обыкновенной, или ординарной, хлебной водки, и, кроме того, имеет неприятный для нас запах. <...> Однако крепость молочной водки бывает различной в зависимости от времени года. Лучше всего она из первого весеннего молока, а самая плохая — зимой. Можно еще сказать, что если бы кумыс перегонялся на европейский лад с холодильным бочонком и через плотно закрытые трубки, а также

в приемник с узким горлом, чтобы испарение не было таким сильным, то она была бы гораздо крепче. Я неоднократно пытался объяснить этим народам наш способ, но они не проявляют к этому интереса и говорят, что их предки делали так, и поэтому они не желают вводить какие-либо новшества».

К вопросу о качестве молочной водки Миллер обращался неоднократно, каждый раз приходя к одному и тому же выводу: водка из кобыльего кумыса хуже, чем хлебная, но лучше, чем из кумыса коровьего. Он отмечает, что сибирские татары «изготавливают водку также и из коровьего молока, после того, как с него снято масло, но она хуже и от нее болит голова». Об этом же, собственно, писал и Гмелин, однако в оценке крепости водки из коровьего молока исследователи расходятся. По свидетельству опрошенных Гмелином нерчинских тунгусов, она напоминает водку из молока кобыльего: «Мы действительно увидели, что водка, выгнанная в нашем присутствии из коровьего молока, была такой крепкой, что ее можно было поджечь». Впрочем, в другом случае исследователь утверждает, что «кумыс из кобыльего молока дает больше алкоголя, чем приготовленный из коровьего».

Из молока домашних животных якуты изготавливали самые разнообразные продукты, в том числе и кумыс.
Рисунок из книги:
А. В. Савин. *Пища якутов до развития земледелия (опыт историко-этнографической монографии)*. — Якутск, 2005

в состав России, а также взаимоотношения между русскими и аборигенами носили неоднозначный и противоречивый характер. Это касается и распространения алкогольных напитков в среде коренного населения. Помощь в выяснении реального положения могут оказать документальные источники; однако следует также признать несомненную ценность

научных трудов, экспедиционных материалов, личных свидетельств и оценок тех исследователей прошлых веков, которые в разное время путешествовали по Сибири. В рамках настоящей статьи мы обратимся к материалам участников академического отряда Второй Камчатской (Великой Северной) экспедиции 1733–1743 гг. — академиков Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина,

Тундра в окрестностях дер. Лесная (Тигильский район. Корякский АО)

В Сибири кумыс издавна изготавливали как из кобыльего, так и из коровьего молока. На фото — бурятская корова и сибирская лошадь кузнецкой породы

В июле—августе 2006 г. состоялась очередная экспедиция на Камчатку, организованная Институтом филологии СО РАН. Два года назад группой сотрудников института был исследован Олюторский район Корякии, на этот раз работы велись на Западном побережье: в Тигильском районе Корякского АО и Быстринском районе Камчатской области. За время поездки удалось собрать самый разнообразный материал по фольклору и традиционной культуре коряков: сказки, личные песни, мифы; сделать множество ценных фото- и видеоклипов, которые дают представление о традиционных способах ведения хозяйства, а также о жилище и одежде этого народа

Брагу из зерна, по наблюдениям ученых, изготавливали лишь некоторые народы Западной Сибири, преимущественно те, которые тесно общались с русскими. Делали ее из перебродившего проса, а также из ячменной или ржаной муки с добавлением хмеля. Объемы этого производства не были значительными.

Деревянные ритуальные кубки для кумыса (чороны) — неперенный атрибут праздника Ысыах. На празднике Ысыах чороны, наполненные первым кумысом, символизировали центр мироздания — источник божественной созидательной энергии

дилься в то время, когда начиналось массовое производство кумыса: весной и в начале лета. Рассказывая о самом важном в жизни якутов празднике Ысыах, во время которого происходило принесение кумыса в жертву наиболее почитаемым божествам и духам, Миллер пишет: «Первое молоко якуты собирают, пока не ожеребятся все кобылы, заквашивают и делают кумыс для Ысыаха. <...> Весь заготовленный кумыс выпивается во время Ысыаха». И только некоторое время спустя, по свидетельству исследователя, разрешалось употреблять кумыс как обычный напиток.

Подобные сведения Миллер сообщает и о тюрках Красноярского уезда: «*Tun*, или *Ürüss*, — так называют татары жертву из первого кумыса, которую они весной приносят божествам и духам. Когда весной они привязывают жеребят и начинают доить кобылиц, то первые три дня собирают молоко в *Kögör* и заквашивают его на кумыс. На 4-й день рано утром, еще до восхода солнца, мужчины семьи <...> отправляются с маленьким сосудом, наполненным кумысом, чашкой и ложкой в сторону от юрты в чистое поле, хотя и не очень далеко. Здесь они ждут, пока солнце не покажется над горизонтом. Как только они его увидят, кумыс наливают в чашку, глава семьи берет ложку и брызгает из чашки вначале в сторону восхода солнца, затем по кругу по ходу движения солнца во все стороны. Если это старый и опытный человек, то он называет при этом по именам божества и всех духов земли — различных рек, речек, озер, гор, скал. <...> Если поблизости имеется шаман, то и его могут взять с собой, чтобы осуществить жертвоприношение. <...> После того, как это произойдет, они возвращаются к своим юртам и угощаются в этот день новым кумысом. Женщины, однако, в этот день еще не должны пить его, а получают это удовольствие лишь на следующий день.

Бубен не только обычный музыкальный инструмент, но и незаменимый атрибут шамана. Обычный бубен есть во многих корякских семьях; под его аккомпанемент исполняются личные песни, танцы. Прикасаться же к оживленному шаманскому бубну разрешено лишь самому шаману или его помощникам: ведь инструмент этот — фатальный...

Традиционные алкогольные напитки, особенно кумыс, практически у всех сибирских народов играли важную роль в языческой ритуальной практике. Не только кумысу, но и посуде, в которой его готовили, а также чашкам, из которых его пили, придавалось сакральное значение. Да и наиболее важные праздники обычно прово-

<...> А на третий день из кумыса начинают выгонять вино».

То же самое Миллер наблюдал в обрядовой практике бурятов, которые приносили в жертву не только кумыс, но и молочную водку: «Жертвование скота, которое брацкие делают чертям и умершим, они называют *Kirik*. Весной, подобно якутам, они жертвуют также божествам и чертям вино и кумыс. Такую церемонию они называют *Sazogò*. <...> Перед питьем они всегда брызгают немного вина и кумыса в огонь. <...> Во время [обряд] *Kirik* они также жертвуют чертям и умершим вино, кумыс и *Tarak**, брызгая вверх». Известно, что у тюркских народов Сибири существовал культ коня. Когда коней (как правило, жеребцов) посвящали божествам, их непременно обрызгивали кумысом.

Изредка (в основном на территории Западной Сибири) во время языческого жертвоприношения вместо кумыса и молочной водки использовались брага или хлебная водка. В сентябре 1734 г. церемонию жертвоприношения у тюлиберских татар Кузнецкого уезда наблюдал Крашенинников: «У сих березок оные татары по всякой год жертву приносят богу, наваривши браги великую кадь, и, к тем березкам вынесши, на них льют и сами пьют, и таким образом бога молят».

«...мужики и бабы, и малые ребята всегда пьяны»

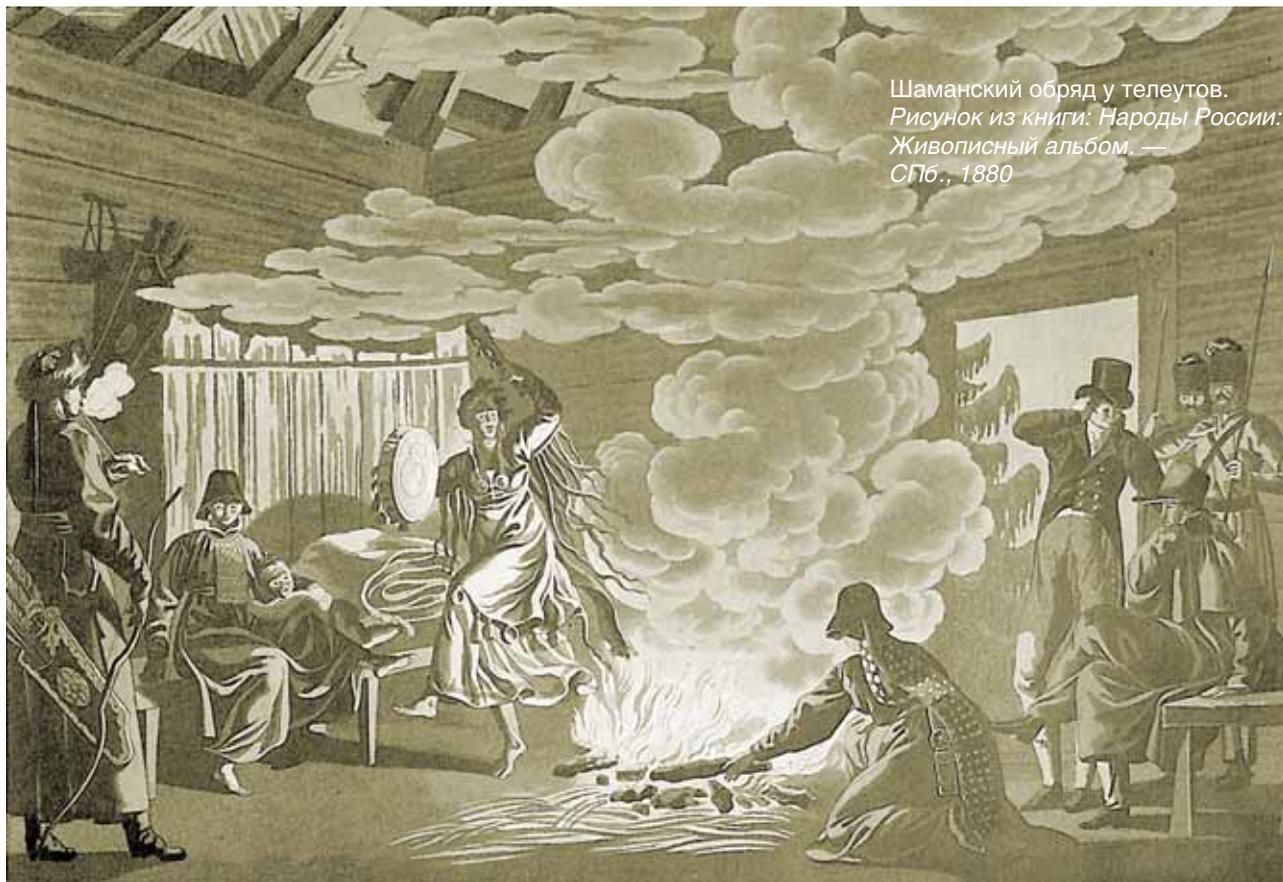
Бытовое пьянство среди аборигенов в XVIII в. было весьма редким явлением, да и распространялось оно лишь на немногих коренных жителей, которые утратили связь с сородичами и жили в городах и острогах, нанимаясь на работу к русским. По мнению исследователей, исключение составляли богатые скотоводы юга Восточной

Сибири, в первую очередь буряты. Однако и у них злоупотребление алкогольными напитками носило сезонный характер и приходилось на лето: дело в том, что именно тогда изготовлялось большое количество кумыса и молочной водки. Согласно Миллеру, даже название второго летнего месяца у бурятов (*Chanì-chara*) напрямую связано с этим фактом:

Шаман и шаманка.
Рисунок второй половины XIX в. из книги: *Народы России: Живописный альбом*. — СПб., 1880

* *Tarak* — кислое молоко, приготовленное из кипяченого коровьего молока

Шаманский обряд у телеутов.
Рисунок из книги: *Народы России: Живописный альбом*. — СПб., 1880

«Слово *Chanì* означает дикий, поскольку в это время они [буряты] постоянно напиваются пьяными». Миллеру вторит Крашенинников, который, характеризуя «братских татар» (бурят), сообщает следующее: «В летнее время так, как и прочие татары, мужики и бабы, и малые ребята всегда пьяны, потому что <...> из кобыльа молока они вино сидят».

Русскую хлебную водку, или «вино», коренные жители употребляли лишь в пору редких посещений городов и острогов, а также сбора ясака. Представители русских властей угощали их водкой, что служило своеобразной формой награды за верность и исправную уплату ясака. В основном подобной награды удостаивались родовые начальники (князцы), однако в некоторых уездах угощали всех ясачных. Крашенинников наблюдал этот процесс у тюрков Красноярского уезда — качинцев: «Ясак платят иные по соболу, иные по 2, и по 3, и по 6, а выше сего не бывает. <...> дается им вино по числу соболей, кто один соболь платит, тому и чарка одна, и так до 6».

Водка в больших объемах была и своеобразной формой жалованья, которое получали представители самых знатных аборигенных кланов. Так, по сведениям Миллера, титулованные внуки и правнуки знаменитого

князя Гантимура, перешедшего с подвластными ему тунгусами на русскую территорию из Китая, получали в составе жалованья от 5 до 20 ведер водки в год. Правда, с 1734 г., по представлению Нерчинского воеводы, который обвинил князей Гантимуровых в том, что они «не выполняют никакой службы, а все время проводят в кутежах», подобные выплаты были приостановлены. Как сообщает Миллер, хорошо знавший князей, один из них действительно был «очень подвержен пьянству». «Только много ли в Нерчинске и в большей части Восточной Сибири таких, о ком нельзя этого сказать? — добавляет ученый не без сарказма. — Если по этой причине лишать жалованья, то немногие избегут этого». Истинной же причиной, вызвавшей недовольство воеводы, по мнению Миллера, стало то, что Гантимуровы перестали давать ему взятки, ссылаясь на указы, запрещающие подобную практику.

Торговля водкой в местах расселения коренных жителей была строжайше запрещена. Не зафиксировано фактов, которые свидетельствовали бы о массовых нарушениях этого закона в XVII—XVIII вв. Не получила широкого распространения и практика обмена водки на меха частными лицами и государством. Однако в сенатском указе, который был вручен В. Берингу,

отправленному во Вторую Камчатскую экспедицию, говорится следующее: «К тому ж вино сидеть на Камчатке ис тамошней слаткой травы и цену налагать не весьма тягостную, но умеренную, также и того надзирать, чтоб тамошней народ за необычностью до смерти не опивались». «Надзирать», видимо, нужно было не только за русскими, но и за ительменами, поскольку, согласно тому же указу, в обмен на водку у жителей Камчатки следовало брать меха.

Ко времени пребывания на Камчатке Стеллера (1740—1744 гг.) ительмены уже успели приобщиться к этим своеобразным «плодам цивилизации», с которыми они познакомились лишь четверть века назад: «Многие ительмены очень любят водку, напиваясь ею до бесчувствия во время своего пребывания в русских острогах и в значительной мере от этого разоряясь. Другие же безо всякого удовольствия только для того изрядно напиваются, чтобы походить на казаков; они полагают, что такое опьянение — признак культурности последних. В состоянии же опьянения они очень стараются не упустить без подражания ничего из того, что они когда-либо замечали у пьяных казаков; при этом они навешают усах, даже лиц, которых обязаны уважать, чрезвычайно смешно хвастаясь, заявляя: «Я пьян, не сердись... я русскую натуру приобрел... я ведь русский...», — и изрекая разные тому подобные глупости. Из этого видно, чего недостает этим бедным и добрым людям, а именно: просвещения, хороших примеров и рассудительности». Нечто подобное сообщает и Крашенинников.

Однако нельзя утверждать, что пьянство, о котором говорят исследователи, было распространено везде, где существовали тесные контакты коренных жителей с русским населением. Известно, что татары Туринского уезда, которых крестили в массовом порядке

в первой четверти XVIII в., жили, окруженные многочисленными русскими деревнями, на одном из самых оживленных путей из европейской части России в Сибирь, однако порок пьянства практически не поразил их.

Чем закусывать мухомор?

У большинства народов таежной полосы и лесотундры, которые не занимались разведением молочного скота, своеобразным заменителем алкоголя стали мухоморы — грибы-галлюциногены. В древности употребление мухоморов, вероятно, было широко распространено по всему северу Евразийского континента. Об этом, в частности, свидетельствуют изображения этого гриба на петроглифах, которые были обнаружены на Крайнем Севере, в том числе на Чукотке, и датированы 1 тыс. до н.э. — сер. 1 тыс. н.э.

В традиционной культуре обских угров, самодийцев и палеоазиатов мухоморы употреблялись в самых разных сферах. В сакральных песнях мухомор представлен как лакомство духов; шаманы, поедая мухоморы, исполняли магические и обрядовые песни, общались с духами, переносились в иные миры; ворожеи и предсказатели под воздействием этих галлюциногенов впадали в транс, во время которого к ним являлись духи-советчики.

Во время камлания в шамана вселяется дух, которого нужно «угостить», чтобы он остался доволен. Дух может попросить поесть, выпить или закурить, а может и песню захотеть услышать: мало ли что ему «взбредет в голову» — и попробуй не исполнить все его желания! На снимке — шаманка, которая в обычной жизни никогда не курила, а вот человеку, дух которого в нее вселился, вздумалось покурить: потому что курил при жизни еще как! Вот теперь и ублажай его...

Что касается обычных людей, то они в состоянии своеобразного ритуального «грибного опьянения» исполняли психоделические песни, именуемые «мухоморными», «грибными» или «пьяными».

Упоминания об употреблении мухоморов встречаются в исторических преданиях хантов и селькупов. В них говорится, что враги совершали набеги, «пьяные от гриба-мухомора», а мирное соглашение, которым завершилась междоусобица, бывшие противники отметили следующим образом: «мухоморы съели», так как «вина тогда не было» и т. п. Примечательно, что традиция ритуального поедания мухоморов и психоделического пения от аборигенов перешла к некоторым группам русских старожилов Индигирки и Камчатки. В материалах участников Второй Камчатской экспедиции есть данные о том, что мухоморы являлись одним из важ-

ных товаров, продававшихся северным народам, на территории проживания которых мухоморы встречались очень редко или не встречались вообще.

Участники экспедиции обращали внимание преимущественно на бытовой аспект употребления мухоморов: они назвали его «пьянством». Миллер не только собирал сведения о данном явлении, но и включал их в программы и инструкции, предназначенные для других участников экспедиции. В инструкции, написанной для И. Э. Фишера, этой теме посвящено три пункта: «545. О употреблении мухомора, или панги, у остяков при реке Оби и какия бывают от него действия. 546. Употребляют ли мухоморов юкагиры, коряки и камчадалы. 547. Убогие между юкагирами, как Страленберг пишет, не собирают ли у богатых сцак и не бывает ли от того такого же действия, будто бы они сами мухоморов ели».

В экспедиционных материалах самого Миллера содержатся немногочисленные данные по этому вопросу. Как правило, исследователь приводит информацию лишь о том, как называются мухоморы на языке того или иного народа и употребляются ли они этим народом в пищу. Более подробные описания процесса употребления мухоморов коряками, юкагирами и ительменами, в соответствии с инструкциями Миллера, оставили Линденау, Стеллер и Крашенинников. Вот что писал

о коряках Линденау: «Некоторые шаманы, наевшись мухомора *Wapach*, начинают предсказывать будущее. Другие же едят его потому, что они от этого пьянеют. Мухомор у коряков — угощение богачей, бедные же довольствуются мочой последних; когда такой опьяневший от мухомора мочится, то к нему сбегаются многие и, выпив его мочи, пьянеют еще больше, чем сам наевшийся мухоморов. Эти грибы собирают летом и сушат; перед едой гриб свертывают, макают в жир и проглатывают целиком. Но каждый гриб полагается заесть полной ложкой порсы**. Зараз можно съесть 5–7 и даже 9 грибов, но непременно натошак. Наевшемуся мухоморов связывают руки и ноги, чтобы он не бесновался. На следующий день, когда он проспится, его развязывают. Связывают также и тех, кто после него напились мочи. Когда *Gitoepitschan*'ы*** посещают друг друга, то они обычно угощаются сами и угощают своих гостей мухомором».

Ительмены, по свидетельству Стеллера, практически перестали практиковать употребление мухоморов вблизи русских острогов, однако в отдаленных местностях этот гриб оставался «в особом почете»: «Туземцы сушат эти грибы, поедают их, не пережевывая, целыми кус-

** *Порса* — высушенная и мелко истолченная рыба

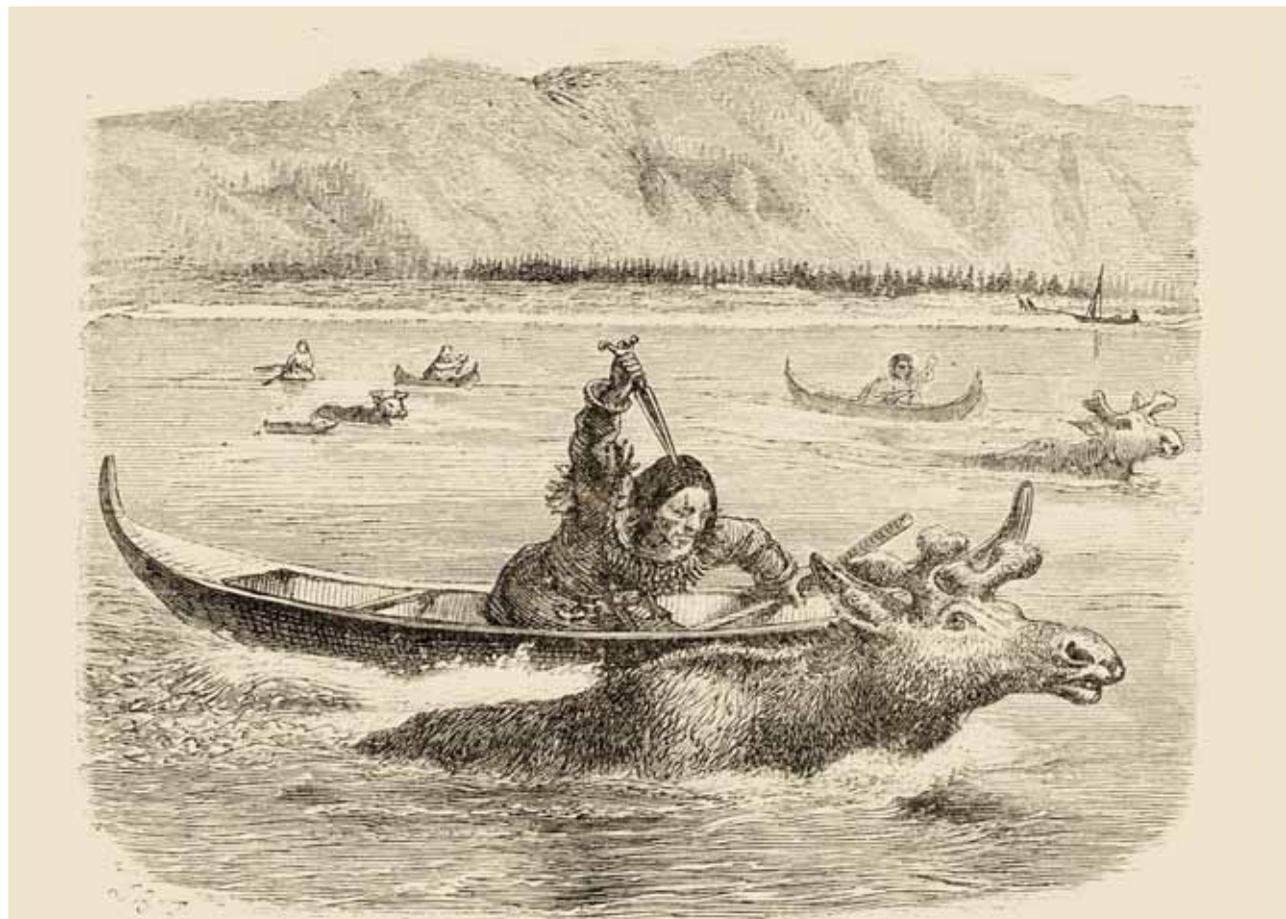
*** *Gitoepitschan* — старшина, глава патриархальной группы

Ритуальное употребление мухоморов до сих пор широко практикуется у коряков (в отличие, например, от эвенов). «Готовят» мухоморы следующим образом: высушивают, нанизав их на веточку; сухие грибы мелко нарезают, но их можно есть и целиком. Запивают обычно теплым чаем. Что ж, приятного аппетита!

Исполнение песен, сказок и преданий нередко сопровождается ритуальным употреблением мухоморов. Некоторые исследователи даже выделяют особый фольклорный жанр «мухоморных» песен

ками и запивают их значительной порцией холодной воды. Уже через полчаса после этого они впадают в дикое опьянение и им мерещатся самые причудливые вещи. Коряки и юкагиры еще более падки на эту пищу и настолько любят ее, что повсюду скупают мухоморы у русских; те же из них, которые по бедности не в состоянии купить их, собирают мочу опьяненных и, выпивая ее, становятся от этого столь же возбужденными и еще более сумасбродными. Моча эта действует, даже пройдя через четверых или пятерых». Поверить в это трудно, отмечает исследователь, однако сказанное им «не подлежит сомнению». Вот что Стеллер пишет о необычайной силе воздействия, которое мухомор оказывает на живое существо: «Северные олени, вообще очень падкие на грибы, между прочим, не раз поедали мухоморы, после чего падали наземь и буйно вели себя, подобно пьяным, в продолжение некоторого времени, а затем впадали в глубокий сон. И вот, если коряки находят дикого северного оленя в подобном состоянии, они связывают его по ногам, пока он не выспится и пока грибной сок не прекратит своего действия; только после этого они оленя закалывают: если бы они умертвили его во время сна и в состоянии опьянения, то

Поколка оленей. Занятие, распространенное у народов Чукотского полуострова.
Рисунок второй половины XIX в. из книги: *Народы России: Живописный альбом.* — СПб., 1880

всех, кто отведал бы его мясо, обуяло бы точно такое же бешенство, как если бы они сами поели мухоморов».

Еще интереснее наблюдения, сделанные Крашенинниковым над ительменами и коряками, у которых было два способа употребления мухоморов «для веселья»: 1) мухоморы замачивали в кипрейном сусле и затем пили его; 2) сухие грибы сворачивали трубкой и глотали целиком. «Первой и обыкновенной знак, по чему усмотреть можно человека, что его мухомор разнимает, — дергание членов, которое по прошествии часа или меньше последует, потом пьяные, как в огневой, бредят; и представляются им различные привидения, страшные или веселые, по разности темпераментов: чего ради иные скачут, иные пляшут, иные плачут и в великом ужасе находятся, иным скважины большими дверьми и лошкa воды морем кажется. Но сие о тех разумеать должно, которые чрез меру его употребляют, а которые немного, те чувствуют в себе чрезвычайную легкость, веселие, отвагу и бодрость, так как сказывают о турках, когда они опия наедаются. <...> Сие примечания достойно,

что все, кои мухомор едали, единогласно утверждают, что какие они сумозбродства тогда ни делают, все делают по приказу мухоморову, которой им повелевает невидимо. Но все их действия столь им вредны, что едали бы за ними не было присмотру, то бы редкой оставался в живые». Мухоморы ели только мужчины. Согласно Крашенинникову, и ительмены, и коряки употребляли в пищу мухоморы не только «для веселья», но и в тех случаях, «когда убить кого намеряются». А вот данные, которые исследователь приводит по поводу употребления коряками мочи тех сородичей, которые съедали мухоморы: «Впрочем, у сидячих коряк мухомор в такой чести, что пьяному не дают мочиться на пол, но подставляют посуду и мочу его выпивают, от чего также бешутся, как и те, кои грибы ели; ибо они мухомор получают у камчадалов, а в их сторонах не родится». Умеренным считалось потребление максимум четырех грибов, а «для пьянства» съедали около десяти мухоморов.

Опыт ительменов переняли и русские служилые люди. До того, как был открыт морской путь на Камчатку, они

Рыба, приготовленная разными способами, всегда была главным блюдом на столе камчатских аборигенов. Зимой исключительно полезна и для людей, и для собак вяленая камбала. Порса — высушенная и мелко истолченная рыба — используется и в качестве закуски: к примеру, у коряков принято закусывать мухоморы полной ложкой порсы

Юкола — так на Камчатке называется вяленая на солнце копченая рыба — является одним из самых распространенных продуктов в рационе питания не только людей, но и собак. На фотографии — юкольник, строение для сушки рыбы; сетка служит для защиты от прожорливых чаек

Вид Камчатдальского селения.
Рисунок из книги: *Народы России: Живописный альбом*. — СПб., 1880

Так называемые высокие «ноги» защищают амбары с продовольствием не только от крупных и мелких животных (медведей, собак, грызунов), но и от наводнения, которое случается во время разлива рек

вынуждены были с боями прорываться через земли воинственных коряков на Камчатском перешейке и просто физически не могли везти на полуостров ни водку, ни продукты, необходимые для производства алкоголя на месте. По этой причине алкоголь заменили именно мухоморы. Впрочем, и в 1730—1740-х гг., когда проблем с алкоголем у населения Камчатки не стало, многие русские все-таки продолжали есть мухоморы.

На сей счет Крашенинников приводит немало комических, а подчас и трагических примеров «сумозбрдств» служилых, когда употребление мухоморов толкало

их на совершение самых невероятных поступков, в том числе и приводивших к смерти. Вот один из этих примеров: «Денщику подполковника Мерлина, которой был на Камчатке у следствия и розыску, приказал мухомор удавиться с таким представлением, что все ему дивиться будут.<...> Другому из тамошних жителей показался ад и ужасная огненная пропасть, в которую надлежало быть низвержено: чего ради по приказу мухомора принужден он был пасть на колени и исповедывать грехи свои, сколько мог вспомнить. Товарищи его, которых в яшашной избе, где пьяной приносил покаяние, было весьма много, слушали того с великим удовольствием, а ему казалось, что он в тайне пред богом кается о грехах своих. <...> Некоторой служивой едал, сказывают, мухомор умеренно, когда ему в дальней путь итти надлежало, и таким образом переходил он знатное расстояние без всякого устатка, наконец, наевшись его допьяна, раздавил себе яйца и умер. Бывшей у меня в толмачах большерецкой казачей сын, опоенной мухомором в незнании, разрезал было себе брюхо по приказу мухоморову, отчего насилу его избавить успели, ибо уже в самом замахе руку ему задержали».

Интересно, что потребление мухоморов ительменами не приводило к столь опасным для жизни «сумозбрдствам». Крашенинников связывал этот факт с тем, что ительмены либо соблюдали разумную «меру», либо так «въелись» в мухоморы, что «организм привык к ним».

На смену мухоморам к коренным народам Сибири постепенно приходили алкогольные напитки. Вот что пишет Крашенинников об ительменах: «Для веселья пивали они мухомор, в воде настоянной <...> а ныне пьют и вино, как и тамошние жители, и совсем на нем пропиваются». Тем не менее, в ряде мест с традиционным укладом жизни поедание мухоморов, а также особое сакральное отношение к ним сохранились до начала XXI в. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы этнографических экспедиций последних лет, которые были организованы на территорию проживания коряков.

Лучше голод претерпеть

Среди удовольствий сомнительного толка, получивших повсеместное распространение у сибирских народов после присоединения к России (а точнее, с начала XVIII в.), ученые особо выделяют пристрастие к курению, которое буквально разоряло многих курильщиков по причине дороговизны табака в отдаленных районах. В работе «География и нынешнее состояние земли Камчатки» Миллер свидетельствует о том, что «камчадалы» (ительмены), которые только недавно узнали, что такое табак, «ныне к тому так привыкли, что им лучше голод претерпевать, нежели от того отстать». «Мужья, жены, дети и челядинцы — все курят табак и каждому надобно в год по последней мере 2, 3 и 4 фунта». Между

Шаман и шаманка
Рисунок из книги: *Народы России: Живописный альбом*. — СПб., 1880

Эвенский поселок Эссо в долине
р. Быстрая

тем проблемы с доставкой табака на Камчатку, а также последствия недальновидной политики государства, объявившего монополию на его продажу, привели к тому, что цена табака в лучшие годы составляла, по данным ученого, 6 лисиц за фунт, а бывало и такое, что он продавался по лисице за золотник. Дабы камчатские народы не пришли во «всеконечное убожество», по мнению Миллера, необходимо было разрешить свободную продажу табака всем желающим; из казны же продавать его по цене, не превышающей более чем в два раза той цены, которую предлагают за него китайцам. Как считал исследователь, на широкое распространение табакокурения среди русских жителей Камчатки большое влияние оказал образ жизни ительменов: «Понеже они на камчатских холопках женаты или от оных родились, все камчатские обычаи приняли и потому столько же или еще больше, как камчадалы, табуку курят».

Курению табака также нередко придавалось ритуальное значение. Вместо мухоморов его использовали и шаманы в качестве возбуждающего или одурманивающего средства. Вот как Миллер описывает процесс камлания у качинских татар Красноярского уезда: «Потом шаманка, несмотря на то, что помимо камланий она не курила, потребовала табуку для курения. Это означало, что требовала не сама шаманка, а черт, которым она была одержима. Тогда ей дали раз за разом 7 трубок с табаком, которые она <...> большей частью растрясла и, как и до этого, каждый раз между двумя трубками выпрыгивала из юрты. С последней трубкой она имела вид совершенно лишившейся чувств <...> Поэтому ее поддерживали, и вскоре она пришла в себя».

В числе «классических» наркотических средств ученые называют лишь опиум. Судя по всему, на территорию Сибири опиум ввозили из Средней Азии купцы; употребляли же его преимущественно западносибирские «бухарцы», а также тобольские, тюменские, тарские и томские татары. Миллер оставил упоминания об этом наркотике в нескольких экспедиционных рукописях. Наиболее пространная заметка на сей предмет содержится в «Известиях о якутах и их шаманах, о юкагирах, остяках, тунгузах, самоедах, камасинцах, тайгинцах, качинцах, татарах и об обычаях разных сих народов»: «*Afim* (опиум) татары и бухарцы охотно пьют с чаем точно так же, как турки. Доза на один раз для мужчины — с большую горошину. От опиума становятся очень веселыми и возбужденными. Если у них имеются трудные для чтения книги, то <...> опиум так проясняет их сознание, что они могут понять и самые трудные места. Однако те, кто употребляет много опиума, какими бы тучными они ни были прежде, от этого становятся очень худыми, высыхают и, наконец, приобретают чахотку». Ни Миллер, ни Гмелин ничего не говорят о наркотической зависимости от опиума, ограничиваясь указаниями на последствия злоупотребления этим зельем.

Итак, на основании экспедиционных материалов участников Второй Камчатской экспедиции, можно сделать следующие выводы: употребление традиционных для аборигенных культур Сибири алкогольных напитков носило сезонный характер, было тесно связано с языческими обрядами и верованиями, но не приводило к массовому появлению зависимых от алкоголя людей. Путешественники не оставили данных, свидетельствовавших о серьезном влиянии русских на призрастие коренных жителей Сибири к алкогольным напиткам, которое они практиковали еще до начала XVIII в.

Ситуация кардинально изменилась лишь в первой половине XIX в., особенно после того, как в 1833 г. был разрешен ввоз «горячих» напитков на территории проживания аборигенов. С этого момента, вплоть до установления в 1902 г. государственной винной монополии, коренные жители получили право самостоятельно продавать сородичам алкогольные напитки. Таким образом, не только частные торговцы, но и само государство фактически стало проводить политику по замене еще только складывающихся товарно-денежных отношений на товарно-водочные. В эти годы процесс спаивания коренного населения Сибири приобрел массовый характер и особенно пагубное воздействие оказал на те народы, в традиционной культуре, а также в ритуальной и обрядовой практике которых употреблялись не алкогольные напитки, а грибы-галлюциногены как возбуждающее и одурманивающее средство.

Литература

СПбФ АРАН. — Фонд 21.

РГАДА. — Фонды 181, 199.

Вторая Камчатская экспедиция. Документы. 1730—1733. — Часть 1. Морские отряды. — М., 2001.

Крашенинников, С. П. *Описание земли Камчатки.* — М.—Л., 1949.

С. П. Крашенинников в Сибири. *Неопубликованные материалы.* — М.—Л., 1966.

Линденау, Я. И. *Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока.* — Магадан, 1983.

Стеллер, Г. В. *Описание земли Камчатки.* — Петропавловск-Камчатский, 1999.

Georg Wilhelm Steller, Stepan Krašennikov, Johann Eberhard Fischer — *Reisetagebücher 1735 bis 1743.* — Halle, 2000.

Gmelin, I. G. *Reise durch Sibirien.* — Göttingen, 1752. — Th. 1—4.

Johann Georg Gmelin. *Expedition ins unbekannte Sibirien.* — Ulm, 1999.

Автор и редакция журнала выражают благодарность сектору фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН, а также сотруднику сектора К. Сагалаеву за фотоматериалы, использованные в публикации